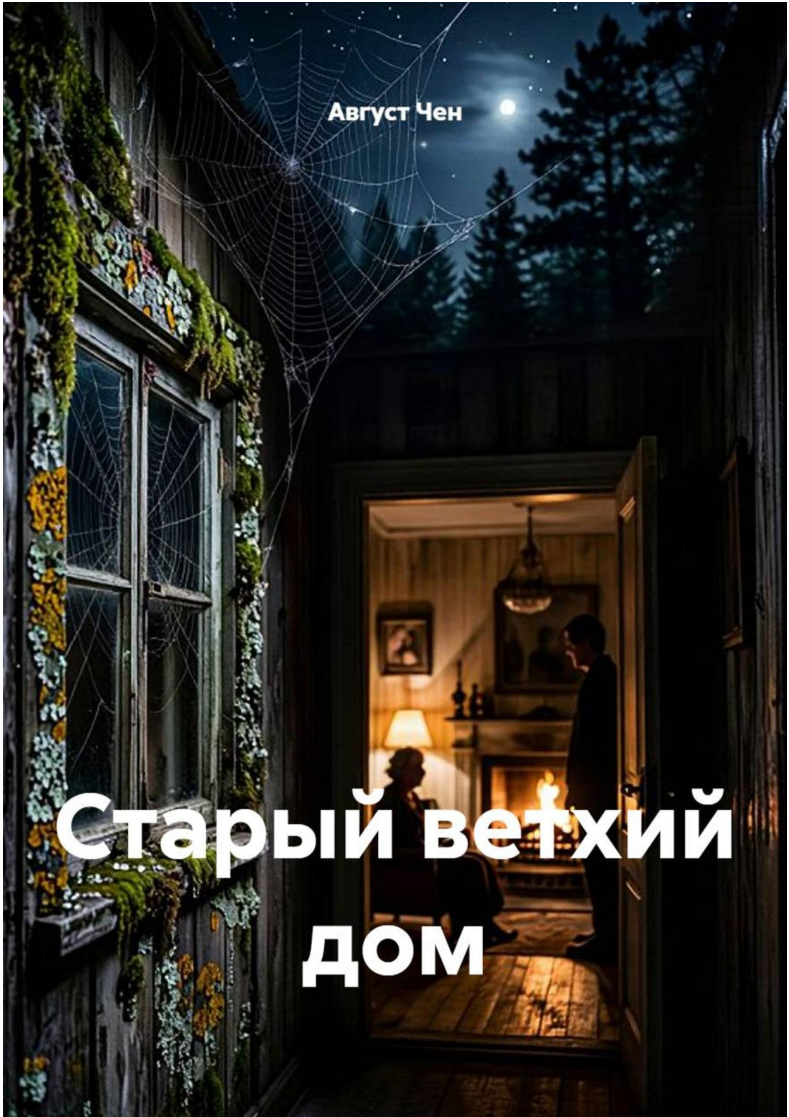

Август Чен
Старый ветхий дом

Август Чен

Старый ветхий дом

https://litres.ru/74880773
SelfPub; 2026

Аннотация

«Дом помнит не людей, он помнит истории. А когда история рвётся, дом сам её дописывает. И выбирает, кто станет следующей страницей».

Марк приезжает к тёте Вале — в старый дом у Чёрной реки, где когда-то стояла мельница. Здесь исчезает не мебель и не посуда. Здесь исчезает память. Сначала мелочь: имя первой собаки, запах детских конфет. Потом — важное: мамино имя, собственный день рождения. А потом исчезает сам человек — его перестают узнавать даже те, кто любил.

Против Марка выходит старая бабка из тумана — не человек, а память места, которая научилась кормиться чужим страхом. Но у него есть то, чего нет у дома: потрёпанный медвежонок Бух, лента с запахом прошлого, камешек-«осколок звезды», дверь с узором из переплетённых корней и люди, которые его помнят.

Чтобы не исчезнуть, не обязательно побеждать. Достаточно помнить. И достаточно, чтобы помнили тебя.

Мистическая повесть о доме, который слишком долго жил на чужом горе, — и о людях, которые решили кормить его светом.

Содержание

Глава 1. Утро после погони 4
Глава 2. Разговор с тётей 6
Глава 3. Чердак 9
Глава 4. Тропа к реке 12
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Август Чен
Старый ветхий дом

Глава 1. Утро после погони

Он проснулся от того, что солнце било прямо в глаза, и сначала не понял, где находится. Потом вспомнил: тётя Валя, скрипучая кровать в маленькой комнате, запах старого дерева и пыли, который здесь был не просто запахом, а чем-то вроде предупреждения.

На стуле висела его куртка — та самая, в которой он убегал. Карманы были вывернуты, будто кто-то искал что-то важное, но ничего не взял. Или, наоборот, положил. Он сунул руку внутрь и нащупал не свой предмет — жёсткий, холодный, похожий на кусок металла. Вытащил. Это был ключ. Не от городской квартиры, не от машины, а старый, тяжёлый, с зубцами, которые будто повторяли узор на двери в дальнем конце коридора.

В доме было тихо. Слишком тихо для утра, когда обычно слышно, как тётя гремит посудой, ставит чайник, бормочет себе под нос. Он встал, накинул куртку и пошёл по коридору. Дверь в дальнюю комнату была приоткрыта, хотя он точно помнил, что вчера она была закрыта на крючок.

— Тётя Валя? — позвал он. Голос прозвучал непривычно

громко, как будто дом не хотел его слышать.

Ответа не было. Зато на стене висели фотографии. Он подошёл ближе. На одной из них была молодая тётя Валя — улыбающаяся, в платье с цветами, рядом с ней стоял мужчина, чьё лицо было аккуратно вырезано ножницами. На другой — группа людей у старого дома, и у всех, кроме одного ребёнка, лица были замазаны чёрной тушью.

Он потянулся к снимку, и в этот момент из кухни раздался резкий звук — будто кто-то уронил кастрюлю. Он замер, потом медленно повернулся. В проёме стояла тётя Валя. Она смотрела на него не как вчера — не с тревогой, а с чем-то похожим на усталость, которая копилась годами.

— Ты не должен был возвращаться сюда, — сказала она тихо, но твёрдо. — Но раз уж вернулся, слушай внимательно. Есть вещи, о которых нельзя спрашивать дважды.

Он хотел спросить про ключ, про фотографии, про бабку, которая гналась за ним вчера, но слова застряли в горле. Тётя Валя подошла ближе, взяла его за руку и сжала так крепко, что он почувствовал, как дрожат её пальцы.

— Сегодня ты узнаешь одну правду, — прошептала она. — И если ты её не выдержишь, я не смогу тебя спасти.

Глава 2. Разговор с тётей

Тётя Валя не стала звать его к столу. Вместо этого она подошла к старому комоду, выдвинула нижний ящик и достала оттуда толстую тетрадь в потрёпанной обложке. Не открывая, протянула ему.

— Держи. Тут не всё, но хватит, чтобы понять, что ты вляпался не в обычную беду.

Он взял тетрадь осторожно, будто она могла обжечь. На обложке не было ни названия, ни даты — только выцветший узор, похожий на переплетённые корни.

— Что это? — спросил он, чувствуя, как голос снова чуть не подводит.

— Дневник твоей бабушки. Не той, что гналась за тобой вчера. Другой. Той, что жила здесь до неё. И до неё. Дом помнит не людей, он помнит истории. А когда история рвётся, дом сам её дописывает. И выбирает, кто станет следующей страницей.

Он хотел возразить, сказать, что это бред, но вспомнил фотографии со стёртыми лицами и ключ в кармане куртки.

— Ты знаешь, кто она такая? Эта старая бабка… — он запнулся, не решаясь произнести слово «ведьма» даже про себя.

Тётя Валя села на край стула, сцепила пальцы так, что костяшки побелели.

— Это не человек. Это… остаток. Память места. Когда-то давно здесь случилось что-то страшное, и земля запомнила страх. А потом научилась его кормить. Она приходит в образе того, кого ты боишься больше всего. Для кого-то это тень в углу. Для тебя — старая женщина, которая знает, где ты прячешься.

— И что ей нужно?

— Твоё воспоминание. Не просто забыть что-то. А отдать кусок себя. Дом стирает людей не по телу, а по памяти. Сначала исчезает мелочь: как пахли твои любимые конфеты в детстве, как звали первую собаку. Потом — важное. Имя мамы. Свой собственный день рождения. А потом исчезает сам человек. Его перестают узнавать даже те, кто любил.

У него похолодели пальцы. Он вспомнил, как вчера, убегая, на секунду забыл, как зовут его лучшего друга. Тогда он списал это на панику. Теперь стало жутко.

— Почему ты не сказала раньше?

— Потому что знание без силы — это приговор. Ты бы побежал, а бежать тут некуда. Река, лес, дорога — всё это её территория. Единственный способ держаться — помнить. Держаться за детали. За имена. За даты. За то, что было твоим, а не домом.

Она встала, подошла к окну и отодвинула занавеску. За стеклом тянулась тропинка к реке — чёрной, неподвижной, будто застывшей.

— Ты уже нарушил главное правило, — сказала она тихо.

— Ты пошёл туда вчера. И она тебя заметила. Теперь она будет искать, что в тебе можно стереть.

— Но я не хочу ничего забывать!

— Тогда не давай ей этого. Держи при себе самое дорогое. И читай дневник. Там есть одна фраза, которую повторяли все, кто пытался выжить: «Они приходят, когда дом перестаёт помнить». Это значит, что дом должен помнить хорошее. Светлое. Тогда у него не остаётся места для тьмы.

Он открыл тетрадь на первой странице. Почерк был неровный, будто писавший торопился или дрожал рукой. Первая строчка врезалась в глаза:

«Сегодня я поняла: если я перестану записывать, я перестану быть».

— Не читай здесь, — резко сказала тётя Валя. — Не давай дому слушать. Иди на чердак. Там старые коробки, там тихо. И не смотри в зеркало, пока не дочитаешь до середины.

Глава 3. Чердак

На чердак вела узкая лестница, ступени которой скрипели так, будто предупреждали: «Не ходи». Он поднялся, толкнул люк и оказался в полумраке, пахнущем пылью и сухими травами. По углам висели пучки каких-то растений, на балках белели странные метки — то ли царапины, то ли вырезанные знаки.

В центре стояла большая картонная коробка с надписью «Разное» выцветшими буквами. Он сел прямо на пол, прислонился спиной к стене и открыл дневник.

Страницы были исписаны плотно, местами чернила расплылись от влаги. Он читал и чувствовал, как реальность вокруг становится тоньше, будто кто-то осторожно тянет за край мира.

Бабушка писала о том, как в доме начали исчезать вещи. Не просто пропадать, а будто их никогда и не существовало. Чашка, которую она купила в юности. Фотография с выпускного. Даже запах любимых духов — она вдруг перестала его узнавать.

А потом начали исчезать люди. Сначала дальние родственники, потом близкие. Однажды утром она проснулась и не смогла вспомнить имя своего мужа. Помнила лицо, помнила, как он смеётся, но имя ускользало, как вода сквозь пальцы. И чем больше она пыталась вспомнить, тем сильнее

дом сопротивлялся.

«Я поняла: дом не хочет, чтобы мы помнили. Он хочет, чтобы мы стали его частью. Бесформенной, безличной. Поэтому я пишу. Пока я пишу, я есть. Пока есть эти слова, я не дам ему стереть меня».

На полях кто-то добавил другой почерк — мелким, торопливым: *«Не доверяй отражениям. Они показывают то, что дом хочет, чтобы ты видел».*

Он невольно покосился на маленькое мутное зеркало, висевшее на стене. В нём он увидел себя… но чуть-чуть не того. Будто кто-то слегка подкрутил настройки: глаза чуть темнее, тень на лице глубже, чем должна быть. Он резко отвернулся.

В коробке рядом с тетрадью лежала стопка пожелтевших писем и маленькая жестяная коробочка. Он открыл её. Внутри был засушенный цветок и сложенный вчетверо листок бумаги. На нём карандашом было выведено:

«Ключ открывает дверь в дальнем коридоре. Но не пытайся уйти через неё. Эта дверь не ведёт наружу. Она ведёт внутрь. Если хочешь выбраться, найди то, что дом забыл. То, что он стёр первым».

Он замер. Дверь в дальнем конце коридора. Тот самый узор на ключе.

Снизу донёсся голос тёти Вали:

— Ты там? Спускайся! И ничего не бери с собой!

Но он уже не мог не взять. Он сунул коробочку в карман,

спрятал дневник под куртку и медленно пошёл к люку.

Когда он спустился, тётя Валя стояла посреди комнаты, бледная, сжимая в руках связку старых ключей.

— Я хотела уберечь тебя, — прошептала она. — Но, кажется, поздно. Дом уже выбрал тебя.

И в этот момент по всему дому пробежал тихий, едва уловимый звук — будто кто-то провёл ногтем по стеклу. Где-то далеко хлопнула дверь, которую никто не открывал.

Глава 4. Тропа к реке

Тётя Валя схватила его за рукав, потянула к двери в кухню, будто хотела спрятать за печкой, как в детстве прячут от грозы.

— Не смей ничего брать, слышишь? Дом любит, когда мы цепляемся за вещи. Вещь — это якорь. А якорь тянет на дно.

Он хотел возразить, но не успел: по дому снова пробежал тот самый звук — будто кто-то водил сухим пальцем по стеклу, только теперь он шёл не издалека, а прямо из коридора, из той самой двери с узором, к которой подходил ключ.

— Она уже здесь, — прошептала тётя Валя, и в её голосе не было паники — только старая, тяжёлая усталость. — Если ты сейчас уйдёшь к реке, я не смогу тебя вернуть.

— Но в записке сказано: надо найти то, что дом стёр первым! — выпалил он, сам удивляясь, как уверенно это звучит. — Если я не пойду, она сотрёт меня, как того мужчину на фото, как имя мужа из дневника…

Тётя замерла. Потом медленно отпустила его рукав.

— Ты читал до конца? — тихо спросила она. — Тогда ты должен знать и вторую часть правила: «Чтобы найти стёртое, надо дать дому вспомнить». А дом помнит только то, что боится забыть.

Она подошла к буфету, выдвинула ящик и достала старую жестяную коробочку, похожую на ту, что он уже спрятал в

кармане. Внутри лежали сухие лепестки, обрывок ленты и маленькая фотография — на ней был тот самый дом, только моложе, светлее, будто ещё не успел состариться от чужих страхов.

— Это мамин платок, — сказала тётя, проводя пальцем по краю ленты. — Она носила его в тот день, когда впервые услышала, как дом шепчет. Она знала, что если перестанет помнить, перестанет быть. Поэтому оставила следы.

— Следы?

— Да. То, что не даёт забыть. Фото, запах, царапина на подоконнике — любая мелочь, которая говорит: «Я был здесь». Дом не может стереть то, что живёт не в памяти, а в мире.

Она протянула ему ленту.

— Возьми. Держи её в руке. Если начнёшь забывать — смотри на неё, трогай, вдыхай. Пусть она будет якорем, который тянет наверх. И иди к реке. Но не смотри в воду. И не отвечай, если услышишь голос.

Тропа к реке была узкой, заросшей высокой травой, будто её специально прятали от чужих глаз. Он шёл, сжимая в кулаке ленту, и чувствовал, как пальцы постепенно деревенеют от напряжения. Воздух становился тяжелее, будто с каждым шагом он входил в другой слой мира — где звуки были глуше, а тени длиннее.

Река лежала впереди чёрной полосой, неподвижной, как застывшее стекло. Над водой висел лёгкий туман, и в нём

мелькали странные очертания — не то птицы, не то обрывки чьих-то воспоминаний.

Он остановился у самой кромки, стараясь не глядеть в воду, но отражение всё равно поймало его краем глаза — и тут же исказилось. В нём он увидел не себя, а кого-то другого: фигуру в тёмном плаще, с опущенной головой. Фигура подняла взгляд — и у неё не было лица. Просто пустота, затянутая рябью.

И тут он услышал голос. Не слова, а скорее ощущение, будто кто-то шептал прямо внутри головы: *«Ты пришёл отдать. Ты знаешь, что надо отдать»*.

Он стиснул ленту так, что острые края врезались в кожу.

— Я ничего не отдам, — прошептал он, и собственный голос прозвучал как чужой, слишком громкий для этой тишины. — Я пришёл забрать. То, что ты стёр.

Туман над водой колыхнулся, и из него выступила знакомая фигура — та самая старая бабка, что гналась за ним вчера. Только теперь она не бежала — она стояла спокойно, почти ласково, и смотрела на него так, будто знала каждую его слабость.

— Глупый, — сказала она, и её голос был похож на скрип старых половиц. — Дом не стирает просто так. Он берёт то, что и так готово уйти. Ты уже забыл имя своей первой собаки, правда? И вчера на секунду не вспомнил, как зовут лучшего друга. Это не я. Это ты сам начал рассыпаться.

Он попятился, но сзади уже не было тропы — трава со-

мкнулась, будто её никогда и не было.

— Нет, — упрямо повторил он. — У меня есть следы. У меня есть лента. У меня есть дневник.

Бабка наклонила голову, и на секунду её лицо стало другим — не старушечьим, а молодым, почти детским, но от этого стало только страшнее.

— Следы… — протянула она, будто пробуя слово на вкус. — Следы — это хорошо. Но дом умеет их путать. Смотри.

Она махнула рукой, и туман над водой расступился, открыв не отражение, а картину: он сам, только на несколько лет моложе, стоит на этом же берегу и бросает в воду маленький свёрток. Он не помнил этого момента. Но тело помнило: в груди вдруг стало холодно, а пальцы разжались, будто хотели снова бросить что-то в чёрную воду.

— Что это? — хрипло спросил он.

— То, что ты уже отдал, — спокойно сказала бабка. — Ты думал, что сбежал. А на самом деле ты пришёл сюда, чтобы забыть. И дом помог.

Он зажмурился, сжал ленту до боли, пытаясь удержать хоть что-то настоящее.

— Неправда, — прошептал он. — Я не мог.

— Мог, — мягко сказала она. — Но если хочешь вернуть — найди то, что было до этого. Найди самое первое. Дом всегда стирает с конца. Значит, начало ещё где-то здесь.

Она шагнула к нему, и он отшатнулся, но она не стала хватать — просто протянула руку, в которой лежал маленький,

почти прозрачный камешек.

— Возьми, — сказала она. — Он помнит.

Он не хотел брать, но пальцы сами потянулись. Камешек был тёплым, будто его только что держали в руке, и на гладкой поверхности мелькнули слабые линии — не рисунок, а скорее намёк на что-то знакомое. И вдруг он вспомнил: этот камешек он нашёл в детстве, у самой реки, и тогда подумал, что это осколок звезды. Он спрятал его в карман, а потом… потом что-то случилось, и он выбросил его в воду. Или нет?

В голове зашумело, как будто два воспоминания пытались занять одно место. Одно говорило: «Ты выбросил». Другое: «Ты спрятал». И оба были одинаково настоящими.

И в этот момент где-то позади, там, где должна была быть тропа, хрустнула ветка. Не туманный звук, не шёпот дома — обычный, живой хруст.

Он обернулся. Сквозь траву пробивалась фигура — тётя Валя. Она шла быстро, не глядя по сторонам, и в руке у неё был старый медный колокольчик, который раньше висел над входной дверью.

— Не бери! — крикнула она, и голос её разорвал туман, как нож. — Не бери ничего у неё!

Бабка медленно опустила руку. Лицо её снова стало старым, морщинистым, и в глазах мелькнуло что-то похожее на досаду.

— Слишком поздно, — сказала она тихо. — Он уже начал вспоминать.

И растворилась в тумане, будто её и не было.

Тётя Валя подбежала, схватила его за руку, потянула прочь от берега.

— Идём, — выдохнула она. — Пока дом не решил, какое воспоминание тебе оставить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.